

Е. В. Власова, Г. А. Шеметов

СОЦИАЛЬНАЯ СТИГМАТИЗАЦИЯ КАК ПОВОД И ПРЕДПОСЫЛКА ДИСКРИМИНАЦИИ

*Уральский государственный медицинский университет
Кафедра философии, биоэтики и культурологии
г. Екатеринбург*

Аннотация

Человеческое сообщество всегда настороженно и даже агрессивно относилось к людям, имеющим явные дефекты внешности или ярко выраженные заболевания. Оппозиционная оптика «свой — чужой» продолжает сохранять актуальность и эмоциональную энергетику, приобретая специфические и превращенные формы, а также встраиваясь в лингвистические и символические контексты современности. Степень свободы и демократичности общества напрямую коррелирует со степенью агрессивности и толерантности сообщества к проявлениям «инаковости» и к их носителям.

Ключевые слова: социальная стигматизация, бинарная культурная оптика, дискриминация, перформативность.

Актуальная проблема социальной стигматизации характеризуется не только ситуативной эмпирической составляющей, но также имеет причины, которые могут быть названы базовыми. Влияние этих базовых факторов на способы конкретного воплощения практик стигматизации определяется исходя из различных социальных обстоятельств, однако их существование является бесспорным для большинства культур. Имеется в виду, прежде всего, бинарная схема мышления, позволяющая, во-первых, прагматически упорядочивать и упрощать представление о социальном мире, а, во-вторых, выстраивать такие аксиологические или идеологические иерархии, которые дают возможность закрепить существующие диспозиции власти/знания. В работах, посвященных особенностям метафизического способа мышления [4, 6], подчеркивается, что некоторые из его аргументационных возможностей опираются на использование противоположных концептов, один из которых является доминирующим, а другой — зависимым. Поскольку в историческом отношении метафизика проникла в самые различные измерения культуры, можно утверждать, что заданная в ее рамках парадигма продолжает оказывать влияние на общественную жизнь и самосознание индивидов. Более того, вероятно, присущая архаической эпохе оппозиционная оптика

«свой — чужой», видоизменяясь и трансформируясь, продолжает сохранять актуальность и эмоциональную энергетику, приобретая специфические и превращенные формы, а также встраиваясь в лингвистические и символические контексты современности, в том числе в структуры метафизического дискурса.

Человеческое сообщество всегда настороженно и даже агрессивно относилось к людям, имеющим явные дефекты внешности или ярко выраженные заболевания: проказу, психические болезни, синдром Дауна и т.д. Однако некоторые телесные стигмы в полном соответствии с логикой бинарного мышления вызвали противоположную реакцию и расценивались как «отметина Бога», как божественный знак. Так, например, в религиозной среде всегда высоко ценились юродивые, т.к. считалось, что их устами говорит Бог. Такими «убогими», т.е. «близкими к Богу» людьми чаще всего были инвалиды, в том числе, и душевнобольные. Появление кровавых стигм в местах, где находились раны Христа, также трактовалась как богоизбранность.

Инаковость другого и сегодня не остается без внимания. Но меняются времена и меняются акценты. Понятие нормы и аномальности также трансформируются. Сегодня в моде стройность и худоба, поэтому избыточный вес расценивается как нежелательное откло-

нение от нормы. Множественные татуировки, пирсинг, шрамирование в глобализованном обществе расцениваются как принадлежность к определенной субкультуре. Сто-пятьдесят лет назад это были заключенные, проститутки, моряки. Сегодня — молодежная контркультура: рокеры, байкеры, панки, скинхеды и т. д. Специфическая одежда и прически тоже стигматизируют и дают повод для преследования одной группировки другой.

Тема социальной дискриминации является в этой связи одним из примеров, иллюстрирующих работу бинарной культурной оптики. Для своего обоснования, подтверждения и легитимации дискриминационный механизм нуждается в процессе стигматизации. При этом он является и предпосылкой, и следствием феномена стигматизации. С одной стороны, дискриминируемый «патологический» индивид, чьи параметры идентичности не укладываются в абстрактные критерии «нормы», производится социальными институтами и ритуалами, которые оказываются интериоризированными аспектами его самоощущения и самоидентификации. Подробное исследование этого процесса можно найти в работах символических интеракционистов и, в первую очередь, в творчестве Э. Гофмана [3]. С другой стороны, гарантией успешного функционирования стигматизирующих социальных ритуалов является внутренняя готовность индивида определять себя в качестве «отклоняющегося» от абстрактного критерия «нормы». Это достигается за счет различных дискриминационных моделей организации социального опыта, в том числе таких, где индивид получает выгоды от ситуации, в которых он оказывается носителем тех или иных аспектов стигматизированной идентичности. Часто сопротивление стигматизирующим механизмам также может становиться условием стигматизации и последующей дискриминации. В этом случае индивид попадает в «ловушку» властных стратегий, когда любой из возможных вариантов его социального действия заранее нейтрализуется дискурсивным порядком и интегрируется в логику функционирования сложной социальной системы. Об этом пишет Дж. Батлер, раскрывая статус протестных гендерных движений и формулируя понятие «перформативной субъективности» [1, 2].

Перформативность в понимании Батлер — это рефлексия над постмодернистской ситуа-

цией, где симулятивная социальность становится тотальной, а додискурсивный аутентичный опыт, апеллирующий к «истине» Природы или Бога невозможен. Применительно к сфере гендерной политики перформативность ретроактивно конструирует эффект женской или мужской «сущности», который по определению не является ни «сущностным», ни «истинным», а относится к порядку видимостей. Перформативность пола — это цитатность закона власти, то есть идентификация, маркирующая тело. При этом Батлер не признает существования властного закона в качестве априорного по отношению к перформативному действию субъекта, но понимает социальный закон в качестве производящегося через систему «цитатности» параллельно с производством самой субъективности. Логическая структура «цитатности» выражает сложный механизм отсутствия «первоначала» в современных субъектных практиках; сама перформативная, «цитатная» субъективность является парадоксальной в том смысле, что понимается не как внешняя по отношению к власти, но имманентная ей в своих определениях. Поэтому оппозиционные идентификационные политики (гендерные, сексуальные, этнические и т. д.) в политическом смысле являются амбивалентными.

В действительности, концепция Дж. Батлер описывает сложные гипотетические общества, где идентичность человека разыгрывается в широком диапазоне вариаций, является пластичным и бесконечно изменчивым конструктом, а потому не может стать основанием для стигматизации. В более традиционных и консервативных социальных системах, где отсутствует ирония и самоирония, а позиции социальных групп и отдельных индивидов в силу тех или иных причин (включая экономические, управленческие и технологические) прописаны однозначно, вероятность квалификации различных явлений «жизненного мира» как недопустимых, осуждаемых или стигматизированных возрастает. Исторический материал западных обществ по данному вопросу подробно исследован, например, в работах М. Фуко, который прослеживает динамику и особенности функционирования власти-знания [5]. Данные антропологии, истории и социальной психологии позволяют сделать вывод, что степень свободы и демократичности общества напрямую коррелирует со степенью

агрессивности и толерантности сообщества к проявлениям «инаковости» и к их носителям.

Диапазон взаимоотношений общества со стигматами может быть весьма широк: начиная с убийства, изгнания, изоляции или остракизма и заканчивая полным принятием, а, следовательно, интегрированностью в социальную среду. В научной литературе описаны разнообразные примеры стигматизации и дискриминации. Хотелось бы отметить, что, поскольку любой индивид обладает комплексным и противоречивым набором идентичностей, которые по-разному комбинируются друг с другом

и распределяются в социальном пространстве и времени, он может становиться объектом нормализующего воздействия с разной степенью интенсивности и в зависимости от привходящих условий. Для понимания конкретных моделей стигматизирующего и дискриминационного воздействия необходимо анализировать культурные и политические установки общества, его экономические и административные возможности, особенности правовой и юридической системы в их корреляции с идентификационными параметрами конкретных индивидов и репертуарами их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Минск: ПРОПИЛЕИ, 2000.
2. Батлер Дж. Психика власти. Теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
3. Гофман Э. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2003.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
5. Фуко М. Ненормальные. СПб.: Наука, 2005.
6. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Гуманитарное знание. Теория и методология. 2009, № 3.

Н. В. Галькевич, О. Н. Довнар-Запольская

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЛЕЧЕНИЮ ОСТРЫХ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИЙ У ДЕТЕЙ

*Белорусский государственный медицинский университет
Республика Беларусь*

Аннотация

Статья посвящена изучению клинических и лабораторных признаков острых кишечных инфекций у детей, а также оценке клинической эффективности применения комбинированного препарата «Био-Гайя ОРС» в комплексной терапии диареи. Исследование показывает (положительное влияние на уровень цинка у детей с диареей) высокую эффективность препарата, что позволяет рекомендовать его применение в комплексном лечении острых кишечных инфекций у детей.

Ключевые слова: диарея, цинк, лактобактерии.

Несмотря на прогресс в лечении и профилактике инфекционных заболеваний, острые кишечные заболевания продолжают оставаться весьма значимой проблемой во всех без исключения странах мира, поскольку по-прежнему стабильно удерживают второе место в структуре заболеваемости и смертности в мире [12]. По сообщениям ВОЗ [7], ежегодно во всем

мире регистрируется около 1,7 миллиарда случаев диареи. Диарея является второй по значимости причиной смерти среди детей в возрасте до пяти лет. Ежегодно от диареи умирает 760 тысяч детей в этой возрастной категории. В 2013 году диарея стала причиной смерти 8,9% детей в возрасте до 5 лет в мире и 4,1% детей в возрасте до 5 лет в европейском регионе [23].